

верь подъезда распахнулась. На крыльцо вышел мужчина в сером незастегнутом пальто.

На улице падал медленный, крупный снег. В желтоватом свете уличного фонаря он казался каким-то ненастоящим, искусственным, бутафорским — вроде того театрального снега, который падает в опере «Евгений Онегин», в сцене дуэли.

Мужчина зябко поежился, поднял воротник пальто, огляделся по сторонам и достал из кармана мобильный телефон.

Он набрал номер, поднес телефон к щеке, но в это время из темноты вынырнули две фигуры. Казалось, они были частью окружающей темноты, ее сгустками.

В двух этих фигурах было какое-то неуловимое сходство, хотя внешне незнакомцы разительно отличались друг от друга — один был тощим и долговязым, второй — коренастым и плотным. Но была в обоих какая-то хищная повадка, они двигались мягко и пружинисто, то и дело оглядываясь через плечо, словно ожидая погони.

Долговязый подошел к мужчине с телефоном, усмехнулся какой-то опасной волчьей ухмылкой, на мгновение показав крупные желтые зубы, и процедил с ленивой растяжкой:

8 — А он не похож на покойника!

— Не похож, — подтвердил его коренастый спутник. — Ничуть не похож! Мне ли покойников не знать!

— Мужики, — проговорил мужчина с телефоном, стараясь не показать испуга. — Вы меня с кем-то спутали.

Он попятился, но коренастый тип каким-то непоптимым образом оказался уже между ним и дверью подъезда.

— Вот что, — проговорил долговязый, смерив мужчину с телефоном цепким, неприязненным, пренебрежительным взглядом. — Шатун хочет с тобой поговорить. Вопросы у него к тебе есть. Так что ты сейчас без базара поедешь с нами.

— Никуда я с вами не поеду! Вы меня точно с кем-то спутали!

— Я что, непонятно говорю? — Долговязый оттопырил нижнюю губу, снова обнажив крупные зубы. — Я сказал — ты поедешь с нами! Шатун тебя ждет!

— Не знаю я никакого Шатуна и вас не знаю! Проваливайте отсюда, а то...

— А то что? — Долговязый криво ухмыльнулся, и в его руке появился нож. — Все, я сказал, завязывай базарить! Пойдешь с нами, и все! А то я тебя пером пощекочу...

Мужчина в сером пальто резко развернулся, оказавшись лицом к лицу с коренастым, ударил его без замаха в солнечное сплетение. Коренастый покачнулся, но удержался на ногах и быстро взмахнул рукой.

Мужчина в сером удивленно ахнул, широко открыл рот, как будто ему не хватало воздуха, на сером пальто проступила широкая красная полоса. Ноги

мужчины подогнулись, он упал на колени перед коренастым громилой, словно умоляя его о чем-то, громко всхлипнул и завалился на бок. На губах у него вскипела красная пена, глаза закатились, подернулись мутной белесой пеленой.

— Ты чего, Шуруп?.. — протянул долговязый, убирая свой нож. — Ты же его замочил!

— Ну, замочил... а что мне оставалось?

— Шатун же велел его живым привезти!

— Ну, велел! А чего он размахался?

— Ладно, поздняк метаться, сваливаем, пока нас никто не видел! — И двое метнулись в снежную тьму, растворились в ней, исчезли, как будто их никогда и не было.

Крупный бутафорский снег падал на человека в сером пальто, как на убитого Ленского. Первое время он быстро таял, но вскоре перестал.

Через некоторое время, однако, двое появились вновь. На неподвижное тело уже намело небольшой сугроб.

— Вот хорошо еще, что ни одна собака не вышла по такой погоде, — ворчал худой, — ты, Шуруп, еще от Шатуна огребешь по полной.

— Ладно, хватай его да грузи!

Они подхватили мужчину, который издал едва слышный стон.

— Живой! — обрадовался Шуруп. — Ну, мое счастье...

Ника проснулась и, еще не открывая глаз, поняла, что что-то не так. Постель была не ее, это точно. У нее кровать довольно старая, скрипит все время, при каждом неосторожном движении, зато матрац мягкий, качаешься на нем, как на теплых морских волнах.

10 А тут... совершенно новая кровать, пахнет магазином, и матрас ровный и твердый, как футбольное поле, не проминается нисколько.

Да, определенно что-то не так. Она почувствовала страх, как бывало всегда, когда просыпалась не у себя дома. Страх открыть глаза и не узнать того места, где она находится. И что тогда делать? Кричать, сорваться с места и бежать, но куда? Если звать, то кого?

«Спокойно, — сказала Ника мысленно, — ничего не случилось, я просто очень крепко спала и еще не совсем проснулась... так со мной бывает, так что нечего паниковать. Нужно открыть глаза и осознать, где я. Только без паники!»

Так советовал ей когда-то старый врач, к которому водила еще мама. Когда это было? Очень давно, лет пятнадцать назад...

Очень осторожно Ника открыла глаза и тут же снова зажмурилась.

Все было чужое, непривычное — широкая кровать с холодной пластиковой спинкой, слишком тяжелое одеяло и жесткое постельное белье в жутких розовых цветочках. Такое и правда только в страшном сне может присниться!

Она села на кровати и открыла глаза, теперь уже твердо решив разобраться, где она находится и как она здесь очутилась.

Комната была довольно большая, обставленная скупо. Вся мебель была новая и очень простая. Письменный стол у окна, пустоватый стеллаж для книг, парочка стульев, неудобных даже на вид, вместо занавесок были какие-то канцелярские жалюзи. Ни цветка на подоконнике, ни картинки на стене, календаря простого и то не видно. Все незнакомое, да она в жизни тут не была...

«Хватит! — приказала себе Ника. — Хватит идиотничать! Ты сейчас встанешь, оденешься и разберешься в ситуации. Наверняка все объясняется очень просто, как и всегда!» 11

Она встала с кровати и, осторожно ступая, направилась к стулу, где была брошена одежда. Ну да, вот ее джинсы, вот свитер, вот белье...

Противно было надевать несвежее, и вообще, хорошо бы душ принять, но все же Ника предпочла встретить неизвестность одетой.

Тапочек не было, а ночнушка на ней была простая, трикотажная. Новая, из магазина прямо, но опять-таки в жуткий розовый цветочек. Да что они тут, все с ума посходили, что ли?

Ника оделась и на стуле под джинсами нашла свою сумку. Купила ее совсем недавно, хотя Сергей советовал ей этого не делать. Приедем, дескать, в Петербург, в большом городе магазины лучше, там все и купишь. Ей же не хотелось выглядеть такой чумичкой, провинциальной тетехой, хоть Сергей и говорил...

Сергей! Дрожащими руками Ника раскрыла подвернувшийся под руку паспорт. Да вот же написано черным по белому: Ломакина Вероника Дмитриевна. А раньше была Соловьева. И вот, на другой странице: зарегистрирован брак с Ломакиным Сергеем Викторовичем. Господи, какая же она дура!

Ника счастливо засмеялась.

Ну, все встало на свои места, она все вспомнила. Квартира эта — его, Сергея, он привез ее сюда вчера поздно вечером. Самолет задержался, пришлось несколько часов просидеть в аэропорту у них в городе, она всегда плохо переносит полет, так что вчера она по прилете дико устала и плохо соображала, даже со

12 свекровью, которая встретила их в аэропорту, толком не поговорила. И тут же плюхнулась на эту кровать — и больше ничего не помнит.

Спала она очень долго, судя по всему, сейчас позднее утро, оттого и забыла начисто все. Какой позор, забыть, что замуж вышла две недели назад!

Ну, бывает у нее такое, бывает, когда со сна не помнишь, где находишься. В командировке, в отпуске, как проснется не у себя дома — так проблемы. Ну и сейчас также. Никому про это Ника не рассказывает, только мама знала, ну и Сергей, конечно, у жены ведь от мужа никаких секретов не может быть.

Да, теперь у нее есть муж. Наверное, оттого не сразу о нем вспомнила, что привыкнуть к этому еще не успела. Всего две недели они женаты, а до этого несколько месяцев знакомы были.

Так все быстро случилось, Сергей потом признался — как увидел ее, так сразу понял, что это его судьба, что с этой женщиной он только и будет счастлив.

Сейчас-то Ника помнит тот день во всех деталях, во всех мельчайших подробностях.

Было лето, выходной день, раннее солнечное утро. Какой-то у них был то ли юбилей фирмы, то ли у начальника день рождения, в общем, заказал он кораблик, который должен был отвезти всех на остров, а там — пикник, шашлыки и прочее, в общем, отдых по полной программе до самого вечера.

Река у них в городе красивая, довольно широкая, на острове народу немного, так что день обещал быть отличным, поскольку погода стояла жаркая, вода в реке нагрелась, она, Ника, решила обновить свой новый дорогуший купальник.

И вот, когда она торопилась на причал и решила срезать дорогу через парк, на нее налетел какой-то не-

нормальный велосипедист. Со всего размаху, 13
так что она упала. И здорово ушибла ногу.

Когда Ника очухалась и поглядела на кровь, сочащуюся из здоровенной ссадины, то поняла, что купальник обновить сегодня не удастся.

Коленка распухла на глазах, и она испугалась перелома. Тут подбежал тот самый велосипедист и так расстроился, глядя на нее, что даже досужие тетки, что оказались рядом, потому что в парке утром был уже народ, не стали ругаться.

Велосипедист предлагал вызвать «Скорую», но Ника решила, что не стоит. Впрочем, она помнит только, что сидела на дорожке и плакала от боли и злости. Но почему ей так не везет?

Велосипедист же дотащил ее буквально на руках до своей машины, которая стояла неподалеку. Оказалось, что велосипед он взял напрокат тут же, в парке. Да не в добрый час, каялся он всю дорогу.

В травмпункте была большая очередь, несмотря на утро, так что Ника с велосипедистом проторчали там часа три — пока снимок делали, пока врача ждали.

Познакомились, мужчину звали Сергеем, он приносил Нике кофе из автомата внизу и вообще всячески ее опекал. Потом привез домой на своей машине. Затем ужаснулся, что нет у нее в доме никакой еды — ну да, она же собиралась провести этот день на природе. Вообще после смерти мамы Ника хозяйством не слишком заморачивалась. Скучно было готовить для себя одной.

Он накупил кучу продуктов и провел с ней весь день. Только после его ухода Ника осознала, что даже не взяла у него номер телефона. И ей стало так плохо от страха, что никогда она его больше не увидит. Она промучилась всю ночь, да еще нога разболелась.

14 Но утром он уже звонил в ее дверь с горячими булочками из пекарни на углу. И сам сварил ей кофе.

Кофе! Так, как Сергей, кофе не варит никто больше!

Он говорил, что его научил знакомый армянин, который утверждал, что кофе должен быть черным, как ночь, горячим, как огонь, и сладким, как поцелуй любимой женщины. Ну и, конечно, в последний момент нужно добавить зернышко кардамона.

Все эти мысли пронеслись у Ники в голове буквально за минуту, после чего она втянула носом воздух и ощутила запах кофе.

Совершенно божественный запах, так умеет варить кофе только ее муж.

— Сережа! — Ника выскочила из комнаты.

Прихожая была небольшая и выглядела бы совсем пустой, если бы не чемоданы. Ну да, вот большой чемодан, еще мамин, вот чемодан поменьше, который Ника купила в прошлом году, когда ездила в отпуск. Ну да, вчера все бросила как есть, прямо посреди прихожей, сил не было разбирать вещи...

Споткнувшись о сумку, Ника схватилась за ручку ближайшей двери и буквально влетела в кухню.

Увидев мужскую фигуру, стоящую возле плиты, она затормозила босой ногой, потому что ей показалось... только на секунду ей показалось, что это не ее муж.

Да нет же, вот светлые волосы, вот чуть заросший затылок, вот его клетчатая рубашка поверх линялых джинсов. В кухне витал запах кофе. Его кофе.

Неслышно ступая, Ника подошла ближе и положила руки ему на плечи...

— Сережа... — тихо позвала она, — Сереженька...

Она не успела осознать, что что-то не так, он резко обернулся, джезва выскочила у него из рук и покатила по полу, разбрызгивая коричневую жидкость.

— Черт! — Видно, горячий кофе обжег ему ногу. — Черт!!!

За мгновение до этого Ника успела отскочить. И вовсе не потому, что испугалась обжечься. Нет, она увидела, что кофе варил совсем не ее муж. Не Сергей.

— Вы кто? — оторопело спросила она, вытаращив глаза. — Что вы здесь делаете?

— Ника... — Он протянул к ней руки и широко улыбнулся. — Это же я, твой муж...

Обострившимся зрением она увидела, что улыбается он натужно, вымученно, ну еще бы, небось хочется выругаться и ногу потерять, а тут она...

— Что-о? — До Ники дошли его слова. — Что вы такое говорите? Чей вы муж? И где Сергей?

— Ника. — Он развел руки и сделал к ней шаг. — Что с тобой? Ты меня не узнаешь? Ты так разоспалась, что мужа не узнаешь? Ну, иди ко мне, малыш...

Ника опрометью кинулась от него назад, в прихожую, снова споткнулась о сумку, или что там еще валялось, и растянулась на полу со всего маху.

Было ужасно больно и обидно. Слезы хлынули из глаз, и тут подскочил к ней тот самый тип, который нахально утверждал, что он и есть ее муж, рывком поднял с пола.

— Ну что ты, что ты... — бормотал он, — девочка моя, что ты так испугалась... Ну, не нужно так волноваться, все будет хорошо, только успокойся...

Пахло от него совсем не так, как от Сергея, и голос у него был не такой, и лицо... лицо не его, так отчего же тогда он убеждал ее, что он — ее муж?

16 — Отойдите. — Ника пыталась вырваться из его рук, но он держал крепко. — Отпустите меня! — взмолилась она. — Отпустите немедленно! Мне плохо!

— А ты не будешь убежать? — Он ослабил хватку и осторожно усадил ее на стул в кухне.

Стул был старый и скрипучий, вообще кухня была явно не новая и достаточно запущенная, от газовой плиты по стене на потолок шел широкий след копоти, сама плита была покрыта слоем жира, так что Нику передернуло от отвращения.

Она тут же одернула себя: о чем она думает? Какое ей дело до этого гадючника, если Сергей пропал? А может быть, это шутка? Дурацкая, жестокая, но все же шутка?

— Ну, хватит, — сказала она по возможности спокойно, — хватит морочить мне голову. Если вы с Сергеем договорились меня разыграть, то вам это удалось. Я испугалась. Потому что это не смешно.

— Какие шутки! — закричал он и, заметив, что она отшатнулась, тут же понизил голос. — Милая, ну приди в себя! Ну что же это такое! Сколько можно! Ну, вспомни, наконец, что я твой муж — Сергей Ломакин, что мы расписались в ЗАГСе в твоём городе две недели назад, а вчера прилетели в Петербург. Потому что я тут живу! И привез тебя с собой! Мать у меня здесь и работа!

— В ЗАГСе? — переспросила Ника, из последних сил стараясь не сорваться и не заорать срывающимся голосом что-то несусветное. Еще хотелось стукнуть этого незнакомого типа чем-нибудь тяжелым, чтобы перестал наконец маячить перед глазами и хватать за руки. — В ЗАГСе? — повторила она, вспомнив, как расписывались они с Сергеем две недели назад.

Тогда еще шел дождь, и Танька Самохина, которую она пригласила в свидетельницы, утверждала, что это к счастью. У Сергея свидетеля не было, они позвали первого попавшегося парня, который отирался зачем-то возле ЗАГСа. Ждал кого-то, что ли... Сергей ему заплатил небольшие деньги.

И свадьбы как таковой не было, посидели в ресторане с Танькой и еще одной женщиной, маминной старинной подругой, Валентиной Павловной. Она все плакала и Нику обнимала, а потом ушла.

«Чтобы вам, молодым, — сказала, — праздник не портить».

В общем, не было свадьбы, да Ника и не хотела шума, года еще не прошло, как мама умерла, какой уж тут праздник. А Сергей сказал, что в Питере все будет — и свадьба, и гости, и новая жизнь начнется. Непременно начнется. И Ника с ним была согласна, потому что, откровенно говоря, здорово заела ее тоска.

Пока мама болела, от всех она отдалилась, да и было-то подруг немного. Одна замуж вышла и родила сразу, другая уехала в другой город, третья вообще в другую страну. Осталась только Танька Самохина, с которой, вообще-то, близко никогда не дружили, пришлось ее в свидетели звать.

— Что так смотришь, не веришь? — вторгся в ее воспоминания голос этого типа. — Может, тебе паспорт показать? — И он шлепнул перед Никой на стол раскрытую книжечку паспорта.

Там был штамп... все правильно, такого-то числа сего года зарегистрирован брак с Соловьевой Вероникой Дмитриевной...

Дрожащими руками Ника пролистала паспорт, который был ей знаком, держала она в руках этот документ, в самолете его рассматривала от нечего делать.

18 Паспорт был Сережин. И на первой странице написано черным по белому — Ломакин Сергей Викторович, и фото...

Фотография была не его, не Сергея, фотография была вот этого типа, что сидел напротив и смотрел на нее с тревогой и раздражением.

Ника отшвырнула от себя паспорт, он упал на пол прямо в коричневую лужицу кофе. Этот тип, которого она ну никак не могла считать своим мужем, нагнулся за паспортом, и тут Ника увидела близко его затылок. Затылок был совсем не такой, как у Сергея. Стрижка такая же, но вот сзади у него на шее была ямочка, которую ей так нравилось целовать и гладить. А он всегда смеялся и отводил ее руку, говорил, что щекотно.

Не было никакой ямочки. Вот не было — и все!

— Ты не Сергей, — тихо, но твердо сказала Ника. — Где Сережа? Что ты с ним сделал?

— Ну вот, снова-здорово! — Он вскочил так резко, что едва не задел ее головой. — Да угомонишься ты, наконец? Документам не веришь! — Он брезгливо потряс книжечку паспорта, с которой капало. — Что устроила! Безобразия просто!

— Что тебе от меня надо? — заорала в ответ Ника. — Отвали от меня! Отвали немедленно!

Она оттолкнула его и бросилась в комнату, чтобы взять сумку. И нужно наконец найти хоть какую-то обувь, взять чемодан и уходить отсюда.

Куда идти? Она понятия не имела куда. Но видеть этого типа она больше не в состоянии.

— Ника, стой! — Он бросился следом. — Ну, погоди, давай поговорим спокойно!

Он настиг ее в прихожей, схватил за плечи, она вырывалась. Тут в замке входной двери заскрежетал

ключ, и на пороге появилась женщина в зим- 19
нем пальто с воротником из крашеного песка.

— Что такое, что случилось? — тут же заговорила она высоким срывающимся голосом. — Сережа, что такое?

— Ох, мама. — Этот тип, утверждавший, что он ее муж, отпустил Нику и вздохнул с облегчением. — Может, ты сумеешь ей объяснить... у меня уже нет сил!

Женщина мигом сбросила пальто и мохеровый берет. Была она немолода, жидкие бесцветные волосы скручены в жалкую кичку на затылке, маленькие глазки, белесые брови и ресницы, только узкие губы накрашены слишком светлой помадой. Этот тип называл ее мамой, а она его — Сережей. Значит, если он выдает себя за ее мужа, то эта тетя — ее свекровь...

— Верочка! — Женщина подбежала к ней и погладила по плечу. — Деточка, что случилось?

Нику передернуло, она терпеть не могла, когда ее имя сокращают так. Ну, с детства звали ее Никой, а никак не Верой.

— Она говорит, что я — не ее муж! — влез тут противный тип. — Представляешь, мама, она говорит, что я — не Сергей! Кошмар просто! В голове не укладывается!

— Подожди, Сережа, не суетись. — Женщина отогнала его мановением руки. — Дай мне с невесткой поговорить.

— Дорогая! — Она заглянула Нике в глаза. — Ты неважно выглядишь. Спала плохо на новом месте?

— Ну да... — неохотно признала Ника.

— Ну вот, нужно умыться, позавтракать, хоть кофе выпить... ты ведь любишь кофе? Сама говорила, что если с утра кофе не выпьешь, то и не человек вовсе.

20 «Когда это я ей такое говорила? — задумалась Ника. — Первый раз в жизни ее вижу!»

— Ты, наверное, не помнишь, вчера вы поздно приехали, я сразу тебя спать уложила... — Голос у женщины был мягкий, вкрадчивый. — Ты устала очень...

— Вы — Лидия Сергеевна? — неуверенно спросила Ника.

— Ну надо же, даже отчество запомнила! — восхитилась женщина. — Вот молодец!

Что тут такого героического, в свое время Сергей говорил ей, что мать назвала его Сергеем в честь своего рано умершего отца. И тут Ника вспомнила, что эту женщину она видела. Вчера она их встретила в аэропорту и привезла в эту квартиру. Сергей еще сказал, что квартира — его, они тут будут жить пока, а там что-нибудь придумают. Стало быть, это и правда свекровь.

— Деточка, — проникновенно говорила сейчас свекровь, — соберись, успокойся, возьми себя в руки. Ты дома, у своих, тебя все здесь любят... не волнуйся, ничего не бойся, все будет хорошо... Сережа, сварил же нам кофе!

— Конечно, — ухмыльнулся этот тип, который утверждал, что он Никин муж, — сварю, разумеется.

Он ушел на кухню, а свекровь, непрерывно болтая, выдала Нике новые тапочки, которые достала почему-то из своей сумки, проводила в ванную и сама умыла ей лицо холодной водой.

Ника не сопротивлялась, успела только заметить, что ванная в этой квартире совершенно жуткая, сама ванна желтая от старости, и плитка кое-где облетела.

— Ну вот, — сказала свекровь, — теперь тебе станет легче.

И повела ее на кухню, а там уже этот тип 21 держал в руках дымящуюся джезву.

— Кофе должен быть горячий, как огонь, черный, как ночь, и сладкий, как поцелуй любимой женщины! — сообщил он. — И еще надо добавить в него щепотку корицы...

— Что-о? — Ника вскочила, с грохотом опрокинув стул. — Что ты сказал — корица?

— Деточка, что такое, что с тобой? — заблажила свекровь.

— Кардамон! — заорала Ника. — Сергей добавлял в кофе кардамон!

— Господи, ну что опять не так! — заорал в ответ тот тип. — Теперь ей кофе не нравится!

— Верочка, детка моя... — Свекровь бросилась между ними. — Он хотел сказать кардамон, просто перепутал. Ну какая разница — корица, кардамон, перец, ваниль... мужчины вечно все путают. Он тоже нервничает, он тоже ночь не спал... эти перелеты... не хочешь кофе — не надо, пойдем, приляжем... тебе нужно успокоиться, еще немного поспать... есть у меня один человек...

— Какой человек? — Руки у свекрови оказались неожиданно цепкие, сильные, Ника пыталась вырваться из ее объятий, но у нее ничего не получилось.

— Ты только не волнуйся, — бормотала свекровь, — мы ему сейчас позвоним... он старый друг семьи, еще папу моего знал... И Сережу он лечил...

— Лечил? Он врач?

— Доктор, очень хороший... он тебя только посмотрит...

И она все подталкивала Нику вон из кухни, а сама мигала этому типу, чтобы убрался с дороги.

22 Они оказались не в той комнате, где спала Ника. Эта была побольше, но обставлена так же скудно. Узкий диванчик, старый сервант с допотопной посудой, у окна — круглый стол на одной «слоновой ноге», покрытый пыльной плюшевой скатертью с пошлыми кистями. И Сергей тут жил? Странно все...

Тут Ника вспомнила, что у нее более насущные заботы — выяснить, куда подевался ее муж.

Свекровь усадила ее на диван и все суетилась рядом, а тот тип встал у двери, сложив руки на груди с самым решительным видом.

— Послушайте, — Ника попыталась сопротивляться, — чего вы от меня хотите? Позвольте мне уйти.

— Ну да, как же... — усмехнулся этот самозванец.

— Куда ты пойдешь, ну куда? — Свекровь всплеснула руками. — Одна, в незнакомом городе, без родных, без знакомых, это просто опасно, наконец. Да еще ты не в себе...

— Я не сумасшедшая! — Ника все пыталась отмахнуться от назойливой свекрови.

— Нет, конечно, ты не сумасшедшая! — согласилась та. — Просто устала с дороги, спала плохо, нервничала... тебе тут нечего бояться, мы тут все свои, твоя семья... Ведь Сережа — твой муж, ты же видела документы, а ему обидно такое твое отношение, вот он и резок немного... Ведь он так тебя любит...

В это время в дверь квартиры позвонили — требовательно, уверенно, настойчиво.

— А вот и он, вот и Валерьян Иванович! — пропела Лидия Сергеевна. — Быстро добрался!

Она выскочила в прихожую, клацнули замки, хлопнула дверь, и почти сразу в комнату вкатился невысокий толстенький человечек с круглой лысиной

и круглыми масляными глазами. Он на ходу 23
натягивал белый халат, за ним поспешала Ли-
дия Сергеевна с кожаным докторским чемоданчиком
в руке.

— И где же у нас больная? — проговорил толстячок, потирая руки и оглядываясь.

— Я не больная! — резко возразила Ника.

— Нет-нет, конечно, не больная! — тут же согласился с ней толстяк, подкатился к ней и ухватил за руку, затих, склонив голову к плечу, — видимо, слушал пульс.

— Конечно, не больная! — повторила Ника. — Я же не могу не узнать собственного мужа...

— Опять двадцать пять! — простонал самозванец, но свекровь дернула его за руку и выразительно сверкнула глазами — помолчи, мол, не мешай доктору.

— Разумеется, не можете! — подхватил толстяк, выпустив руку. — Деточка, не волнуйтесь! Тут не о чем говорить! Лучше скажите — как мы себя чувствуем?

Он говорил тем ласковым, сюсюкающим, дебилно-жизнерадостным голосом, каким некоторые взрослые разговаривают с детьми. Или некоторые врачи разговаривают с безнадежно больными. И еще эта ужасная манера говорить пациенту «мы»...

— Мы себя чувствуем по-разному, — попыталась осадить его Ника. — Из вас, по крайней мере, никто не пытается сделать душевнобольного!

— Какие мы обидчивые! — проворковал доктор. — Не нужно обижаться и расстраиваться не нужно! Мы сейчас примем таблеточки, и все станет хорошо!

— Вы что, думаете, я приму таблетку и признаю в совершенно постороннем мужчине своего мужа? Да и не стану я ничего принимать! Еще не хватало!

24 Как ни странно, при виде этого толстяка в белом халате в ней проснулась решительность.

— Ну, если не таблеточки — тогда укольчики! — ворковал толстяк, переглядываясь с Лидией Сергеевной. — Укольчики, они и действуют лучше...

— Но вы меня еще даже не выслушали! — возмущенно воскликнула Ника.

— Выслушаю, непременно выслушаю! Я для того и приехал, чтобы всех выслушать! — Доктор снова переглянулся с Лидией Сергеевной и проговорил совсем другим голосом: — Что с ней случилось?

— Представляете — вчера приехала с Сережей, впервые в нашем городе, все было хорошо, я их встретила, показала квартиру — а сегодня она Сережу не узнает! Представляете?

— Очень даже хорошо представляю! — Толстяк покачал головой. — Вы сами сказали — впервые в незнакомом городе, в незнакомой обстановке, а психика неустойчивая, вот и случился кризис...

Он снова повернулся к Нике и проговорил тем же фальшиво-жизнерадостным тоном:

— Деточка, положите ногу на ногу!

Ника сначала думала, что не станет выполнять его идиотские требования — но тут же передумала. Пусть не считает, что она упрямая идиотка. Он все же врач, он должен понять, что она в своем уме.

Ника положила ногу на ногу, доктор ударил ее по колену молоточком и покачал головой.

— Что-то не так? — насторожилась Лидия Сергеевна.

— Рано что-то говорить... деточка, теперь встаньте, закройте глаза и вытяните руки вперед! Вот так... теперь достаньте правой рукой до носа... теперь левой рукой...

Ника выполнила эти приказы, чувствуя себя глупо, затем села. Доктор снова озабоченно покачал головой, подошел к ней, пробежал пальцами по голове. Нашупал шрам у нее на затылке и замер, как охотничья собака, почуявшая свежий след.

— А это что у нас такое?

— Это... это ерунда... — неохотно пробормотала Ника. — Это было очень давно...

— Давно? Все наши неприятности коренятся в давних травмах... особенно в детских... так что с вами случилось?

— На меня напала собака, — с трудом выговорила Ника. — Я упала, ушиблась... но все очень быстро зажило...

— Ничто не проходит бесследно! — поучающим голосом проговорил доктор и поднял руку, как бы подкрепляя этот тезис. — От таких детских травм в душе остаются очень глубокие отметины!

— Доктор! — вступил в разговор тот тип, который назвался Никиным мужем и который до сих пор молчал с обиженным видом. — У нее есть медицинские бумаги. Там все это описано.

— Бумаги? Очень хорошо! — Толстяк потер руки. — Давайте мне ее бумаги!

Мужчина вышел из комнаты и тут же вернулся с папкой. С той самой папкой, которую Сергей убедил взять с собой.

Ты, сказал, уезжаешь надолго, когда еще вернешься в эту квартиру, все же на выходные не заедешь, далеко. Так и бери все нужное с собой — документы, диплом, карту медицинскую, мало ли, понадобится...

Ника послушалась и теперь смотрела на этого самозванца с бессильным возмущением.

26 Как он посмел рыться в ее вещах? И откуда он знает про ее подростковую травму? Только Сергей знал, потому что у жены от мужа ведь не может быть секретов...

А этот... Она готова была взорваться, наговорить ему резкостей — но ее останавливало то, что в таком случае ее наверняка посчитают сумасшедшей.

Толстяк взял папку, принялся листать ее содержимое, шурша страницами, время от времени цокая языком и покачивая головой. Наконец нашел какое-то место и прочитал громко, с выражением крайней озабоченности:

— Посттравматический синдром... как же, как же... чего же вы хотите? Ничего удивительного!

— Это серьезно? — почти хором проговорили липовый муж и сомнительная свекровь.

— Достаточно серьезно...

— Но можно что-то сделать?

— Безнадежных случаев почти не бывает. Будем лечить... наука далеко продвинулась вперед!

Нике казалось, что слова доктора обволакивают ее, опутывают, как липкая паутина опутывает беспомощную, одурманенную муху. Что чем дольше она его слушает, тем меньше уверена в собственной нормальности, в собственной адекватности. В душе ее проснулась воля к сопротивлению, она вскочила и воскликнула:

— Да что вы такое несете? Что я, по-вашему, не узнаю собственного мужа? Кто вы такой, чтобы...

— Деточка, не кипятитесь! — укоризненно проговорил доктор и схватил ее за руку. — Деточка, успокойтесь! Я помогу вам, непременно помогу! Главное — осознать свои проблемы, увидеть их, тогда с ними гораздо проще справиться!

Ника перехватила взгляд, которым доктор 27
обменялся с ее новоиспеченной свекровью —
озабоченный, настороженный, заговорщический. Она
попыталась вырвать у него свою руку, но его мягкие,
пухлые руки оказались удивительно сильными.

Свекровь куда-то вышла и тут же вернулась со ста-
каном в руках. Доктор взял у нее этот стакан, поднес
к губам Ники и проворковал своим фальшиво-ласко-
вым голосом:

— Выпейте, деточка! Вам непременно полегчает!

— Да не хочу я пить! — возмущенно проговорила
Ника, но тепловатая вода уже лилась ей в рот, и док-
тор ловко подсунул таблетку, и эта таблетка вместе
с водой проскочила в горло...

— Что вы мне даете... — Ника попыталась увер-
нуться, но было уже поздно, она рефлекторно сглот-
нула.

— Ну, вот и хорошо, деточка! — ворковал толстяк,
поглаживая ее по руке. — Сейчас нам полегчает...

У Ники слегка закружилась голова, комната по-
плыла перед ее глазами. На нее накатило какое-то
тупое равнодушие. В самом деле, зачем шуметь, за-
чем возмущаться? Лучше просто прилечь, поспать
немного, после этого все должно встать на свои
места...

— Вот так, деточка, вот так! — Толстяк помог ей
прилечь на диван... и комната растаяла, исчезла...

*Ника шла по узкой, горбатой, вымощенной булыж-
ником улочке южного городка, со всех сторон окружен-
ного горными отрогами, каменистыми склонами...*

*Откуда-то сверху, со склона горы, доносились мер-
ные удары барабана, хриплые голоса и тревожное, рез-
кое верещание зурны.*

28 «Ах да, — вспомнила Ника, — там ведь цыганский квартал, должно быть, у цыган сегодня какой-то праздник...»

Ника сама не знала, откуда ей известно про этот праздник и про цыганский квартал и почему она так хорошо знает этот маленький городок, знает его кривые узкие улочки, знает многих его жителей. Да она была сейчас вовсе не собой, с удивлением она поняла, что одета в мужской кафтан, подпоясанный зеленым шелковым шарфом, и в сапоги из мягкой кожи.

Она — или он? — миновала мечеть на углу двух улочек, миновала глинобитную стену медресе, миновала улочку, где жили кожевенники. Из дверей их домов и мастерских остро и резко пахло дублеными кожами и поташом. Ремесленники с черными от дубильной смеси руками трудились на порогах своих жилищ. Один из них поднял голову и проговорил почтительно:

— Мир вам, господин Хасан!

«Это ведь он ко мне обращается», — поняла Ника и осознала, что ее и впрямь зовут Хасаном, и ничуть этому не удивилась, приняла как должное — так и бывает во сне.

Тут она — или он? — услышала приближающийся цокот копыт по булыжной мостовой. Она — или он? — подняла глаза и увидела двух всадников на больших откормленных конях, которые ехали рядом, перегордив всю улицу и никого не замечая. Богатые кафтаны, сабли в дорогих ножнах на шелковых перевязях, шапки с кокардами — это были стражники. Между ними по мостовой брел человек в порванном вылинявшем халате, без шапки, со связанными руками. Должно быть, арестант, схваченный за какое-то преступление.

При приближении всадников прохожие вжимались в стены домов, чтобы кони не сбили их с ног или острые

стремена не разорвали их одежду. Стражники ехали неторопливо, они не хотели кого-то задеть нарочно, но и не избегали этого. Они просто не замечали прохожих, как идущий по саду человек не замечает насекомых у себя под ногами.

Хасан — или Ника? — как все прочие, прижался к выщербленной глинобитной стене, чтобы пропустить стражников. Но тут случилось неожиданное — один из них выехал вперед, теперь они ехали гуськом, никого не задевая. Первый всадник проехал мимо Хасана, и с ним поравнялся арестант.

Хасан отвел было глаза, чтобы не встречаться с глазами арестанта, но тот издал какой-то нечеловеческий, мучительный стон, больше похожий на мычание, обдал его жарким дыханием, и Хасан невольно взглянул на него. Рот арестанта был широко открыт, он силился что-то сказать, но не мог — во рту у него бессильно шевелился кровавый обрубок языка.

В то же время арестант протянул к Хасану свои связанные руки, что-то вложил в его ладони и снова мучительно застонал, замычал, что-то безуспешно пытаясь сказать, на что-то показывая.

Хасан посмотрел туда, куда указывал несчастный человек, и увидел одного из стражников. Тот приподнялся в стремених и замахнулся на Хасана нагайкой. Хасан поспешно пригнулся, нырнул в дверной проем ближней лавки.

Это была лавка ковровщика. Сам хозяин стоял позади прилавка, заваленного молитвенными ковриками, и делал Хасану странные знаки, глазами и всем телом указывая на заднюю стену лавки.

Хасан оглянулся. В дверях лавки у него за спиной послышались тяжелые, неотвратимые шаги стражника.

30 *В то же время он осознал, что все еще сжимает в руке то, что передал ему арестант.*

Это был смятый, сложенный в несколько раз кусок пергамента...

Ковровщик поднял один из ковров, покрывавших заднюю стену, за ним оказался темный проход.

Хасан опомнился, скользнул в этот проход, пробежал несколько шагов в темноте, споткнулся и упал...

И тут из темноты кто-то позвал его по имени.

Ника проснулась от того, что ее кто-то позвал по имени. Или это ей только показалось? Может быть, это был всего лишь отзвук ее странного сна?

В первый момент она снова не могла вспомнить, где находится. Она спала не на своей привычной кровати, но и не на той новой и ровной, как футбольное поле. Да и вообще она лежала не на кровати, а на узком диванчике и была одета в те же самые джинсы и джемпер, что и утром.

Пока она спала, кто-то заботливо накрыл ее красным клетчатым пледом, подоткнул края.

Тут Ника вспомнила прежнее свое пробуждение, вспомнила того человека, который называл себя ее мужем, вспомнила визит врача... как же его... Валерьян Иваныч... врач дал ей какую-то таблетку, после которой она заснула...

Мысли ее ворочались в голове медленно и неохотно, как большие сонные рыбы. Одна мысль выплыла на поверхность сознания, она показалась Нике важной, но тут же снова ушла в темную глубину, на смену ей пришла другая.

Тот врач... он говорил, что она больна и что он ее вылечит. Так, может, и правда лучше ему довериться-

ся? Может, он прав и она действительно не в себе? Да и вообще, важно ли это? 31

Ей не хотелось думать, не хотелось ничего делать. Вялое, дремотное состояние обволакивало ее, как густая клейкая субстанция. Между ней и всем остальным миром словно было толстое, мутное, почти непрозрачное стекло.

Но минуты шли, и это стекло становилось тоньше, зрение Ники понемногу прояснялось, мысли в голове проплывали быстрее, и одна из них действительно была важной...

Ника осознала, что окончательно проснулась, к тому же было ужасно неудобно на узком продавленном диване, да еще джемпер противно кусал спину и плечи.

Тут дверь скрипнула, и в комнату вошел мужчина.

Тот самый мужчина, который пытался убедить Нику, что они женаты, который выдавал себя за Сергея.

Ника закрыла глаза, снова открыла их...

Ничего не изменилось. Это был совершенно посторонний, незнакомый ей мужчина. Она вспомнила, как утром со спины едва не приняла его за Серезу, как она могла? Но ведь в паспорте сказано, что он — Сергей Ломакин...

Так, может, она и правда больна, в этом все дело? Может быть, поверить этим людям? Они, наверное, знают, как для нее лучше. Они знают...

— Как ты, дорогая? — проговорил мужчина заботливым, сочувственным голосом. — Ты выпалась?

— Да, выпалась... — Ника произнесла эти слова с трудом, язык ворочался во рту как чужой.

— Доктор сказал, что...

32 — Не надо! — Ника поморщилась. — Не говори мне про этого доктора... я не хочу о нем слышать...

— Зря ты так. Это хороший врач, мама знает его много лет... Ну ладно, хорошо, не буду, если ты не хочешь... но вот это ты обязательно должна принять...

В руке у него был стакан с водой, он поднес стакан к Никиным губам. Вода была теплая и безвкусная, и тут Ника почувствовала, как он вложил в ее губы таблетку.

— Глотай! Тебе сразу станет лучше!

С чего он взял, что ей станет лучше? От той таблетки, что дал доктор, лучше ей не стало, она просто заснула. Заснула и перестала скандалить и требовать, чтобы ей вернули мужа. Настоящего мужа. Потому что этот тип никак не может быть ее мужем Сергеем. Вот сейчас близко она видит его руку — короткие пальцы, ногти некрасивые, ладонь широкая. У Сережи вовсе не такая рука.

— Выпей, детка, — ласково просил этот тип, — доктора надо слушаться. Доктор знает, что тебе нужно.

Но что-то в душе у Ники запротестовало. Она языком сдвинула таблетку за щеку, осторожно глотнула воду.

— Пей еще! — Мужчина настойчиво наклонил стакан, Ника сделала большой глоток, но не проглотила таблетку, сама удивившись, как ловко у нее получилось.

Наверное, вспомнилась подростковая выучка, когда Ленка Лапина научила ее в больнице не глотать таблетки, а прятать их за щеку. Таблетки она потом собирала и отдавала своему парню Лешке, а он уж загонял их наркоманам по сходной цене.

Ленку все же с этим делом поймали и написали со скандалом. С девчонками врач провёл беседу, вы что, сказал, дуры этакие, хотите на всю жизнь тут остаться? Думаете, вам таблетки просто так дают? Запугивал их, Ника больше никогда так не делала. Но сейчас совсем другой случай, вот и вспомнилось детство золотое.

Фальшивый муж взглянул одобрительно, поставил полупустой стакан на стол, и в этот момент она исхитрилась, выплюнула таблетку на ладонь, сжала кулак.

Тут в голове у нее снова всплыла та прежняя мысль, казавшаяся ей такой важной.

Фотографии.

У нее же есть фотографии со свадьбы. Ну да, они снимались у дверей ЗАГСа, а потом в ресторане, еще официанта попросили, чтобы все вместе вышли...

— Где мой телефон? — спросила она, с трудом разомкнув онемевшие губы.

— Твой телефон? Вот он! — Самозванец подал ей трубку, как будто ждал эту просьбу и держал телефон наготове.

Ника открыла альбом фотографий, нашла свадьбу, пересмотрела снимки один за другим... Вот она стоит у дверей ЗАГСа и машет кому-то рукой, то есть ясно кому, Сереже, он чуть опоздал, Танька еще смеялась, что напарил ее женишок, смылся.

Вот они с Танькой рядышком в холле. ЗАГС у них в городе недавно отстроенный, красиво как, фонарики разноцветные, окна большие... Танька еще платье новое купила в цветах, буду, смеялась, у тебя вместо букета. А Ника платье новое не стала покупать, надела свое любимое, голубое, к глазам ей очень идет. Сергей отсоветовал — в Питере, сказал, все купишь, там и свадьбу справим...

34 Вот в ресторане они с Валентиной Павловной рядышком, та ее обнимает и вроде бы уходит уже собралась.

Ника внимательно пролиставала всю свадебную папку. Вот зал ресторана, и официант виднеется с тортом, как же его звали... Женя, кажется, Танькин приятель.

Но ни на одной фотографии она не нашла Сергея.

Странно... более чем странно... ведь они же фотографировались вместе... и когда слушали поздравление сотрудницы ЗАГСа, кстати, в новое здание и работников взяли новых, и теперь вместо приземистой тетки в квадратном костюме и с квадратной же стрижкой новобрачных поздравляли молодые интересные женщины с приятными, приветливыми голосами, в нарядных платьях.

Вот как раз стоит та самая, и свидетели подписываются, даже тот парень, совсем незнакомый, которого Сергей нанял, и тот на снимках есть. Но ее мужа нигде не было.

— Почему Сергея нигде нет? — проговорила она растерянно и недоверчиво.

— Меня? Ну, не знаю... посмотри на моем телефоне, там, наверное, есть...

Он подал ей свой аппарат, заранее выведя на экран свадебные фотографии. Ника пролиставала их — и правда, нашла там его, этого самого мужчину. Назвать его Сергеем она никак не могла, у нее просто язык не поворачивался.

Она просматривала снимок за снимком — его лицо попадалось то и дело, но вот странно, он был одет в тот же костюм, что и Сергей, но что-то она не помнила в том ресторане такого интерьеря.

Впрочем, она была там в первый раз и не смотрела по сторонам, она смотрела на Сергея. Но отчего же

нет снимков, где они вдвоем? Или все вместе, она помнит, они же просили этого Танькиного Женю сфотографировать их на память.

Но куда же делись все снимки?

Тут у нее возникла другая мысль.

Почему его нет в ее телефоне — и так много в его собственном? Ведь это не селфи, он снят со стороны...

Впрочем, может быть, он отдал кому-то свой аппарат...

— Ты не хочешь еще поспать? — проговорил этот тип с каким-то странным выражением.

— А сейчас что — утро?

— Сейчас поздний вечер, ты проспала весь день, доктор сказал, что сон — лучшее лекарство. Так ты ляжешь? — спросил он.

И не сумел скрыть нетерпения в голосе.

— Слушай, мне нужно в ванную! — возмутилась Ника. — И вообще, спать одетой вредно!

Тут в комнату заглянула свекровь и мгновенно оценила ситуацию.

— Сергей, как ты можешь! — строго сказала она. — Девочка пришла в наш дом, а ты...

— А что я? — огрызнулся он.

— Верочка! — залебезила свекровь, и Ника снова не успела ей сказать, чтобы не звала ее этим именем, она его терпеть не может. — Деточка, тебе нужно хорошенько поесть и принять душ! А потом ляжешь в теплую постельку и утром будешь как новенькая. Все пройдет, все забудется, все наладится...

Душ в этой квартире оставлял желать лучшего — чуть теплая вода едва капала. Но все же это лучше, чем ничего. Ника взбодрилась и решила пока не перечить ни свекрови, ни этому типу, который уверяет ее, что он муж. Ага, объелся груш!

36 От еды она отказалась, выпила только чаю, который имел какой-то странный вкус.

— Это чабрец, чабрец! — бормотала свекровь. — Очень полезный чай... от нервов, и вообще...

От ее болтовни у Ники заболела голова, и она поскорее ушла в спальню. Свекровь успокоила ее, сообщив, что Сережа будет спать на диване, чтобы ее не беспокоить. Ника даже улыбнулась ей благодарно, еще не хватало спать с этим самозванцем в одной постели!

Оставшись наконец одна, она накрылась с головой одеялом, вытащила из-под подушки телефон и набрала на нем сообщение:

«Тань, привет! У меня тут много всякого случилось, потом подробно напишу или позвоню. Пока очень тебя прошу, ты ведь фотографировала на моей свадьбе, так пришли мне все фотки, где есть Сергей. Очень прошу! Очень!»

Это сообщение она отправила Таньке Самохиной. В самом деле, у Таньки в телефоне полно фотографий. Вряд ли она сразу все стерла, оставила небось некоторые общие и где они четверо — они с Сережей и Танька со свидетелем.

Она на того парня глаз положила, все звала его с собой в ресторан. Раз уж, говорила, мы теперь с тобой на одной странице расписались, так вроде как родственники. Но парень на ее уговоры не поддался, быстро слинял. Танька даже расстроилась немного — неужели, спросила, я такая страшная, что со мной даже на халяву никто вечер провести не хочет? В ресторане, говорит, тоже никого не подклеишь, поскольку Женька сечет. Ника ее утешать не стала, не до того ей было.

Танька — девчонка неплохая, компанейская, выручила Нику очень, в свидетели согласившись пойти,

да вот только к мужчинам у нее отношение... 37
как бы сказать... ну, слишком легкое, что ли.

Может познакомиться на вечеринке или еще где — и тут же в койку.

— Как же так, — спрашивала Ника, — человека нисколько не узнав...

— А чего тянуть. — Танька хохочет. — Я же за него не замуж собираюсь!

Ника ей на прощание пожелала встретить хорошего человека и замуж выйти.

— И тебе счастья в личной жизни, — отвечала Танька.

Ну вот, пока что никакого счастья у Ники не наблюдается. Наоборот, вокруг непонятки сплошные. Может, и правда у нее что-то с головой происходит?

Она потрогала шрам на затылке. Как давно это было, сколько же... ей четырнадцать исполнилось или пятнадцать...

Гуляли с подружками вечером на реке, обратно возвращались поздно, решили срезать дорогу. Был там большой участок, и дом на нем старый, совсем развалился. Сад зарос, ребятишки за яблоками лазать и то перестали — уж очень кислые. Бежали они с подружками по тропинке, вдруг откуда ни возьмись — собака. Огромная, породы незнакомой, глаза горят, и рычит так тихо и грозно. Клыки громадные — ну, просто собака Баскервилей. Темно, страшно.

Девчонки как увидели такого монстра, так завизжали и в стороны бросились, а Ника просто окаменела от ужаса. Стоит и не может шага сделать. И видит, как собака напряжилась, к прыжку готовится. Разорвет на кусочки.

Ника из последних сил назад шагнула, нога подвела, она и плюхнулась с размаху на землю. Да попала

38 на корень острый, что из земли торчал. Больше ничего не помнит.

Рассказывали потом, что собака ее не тронула, рвать не стала, только лапы на грудь поставила. Девчонки побежали с криками на реку, привели народ. Рыбаки вооружились кто чем да и побежали Нику спасать.

Оказалось, что участок этот большой один богатый тип купил, хотел там дом строить и причал, чтобы лодки подходили. Забор поставить не успел, а сторожа с собакой нанял.

Про то, что собака такая страшная, он и сам не знал. А сторож со странностями был, собаку просто так бегать отпускал, даже без намордника. Мужики-то как увидели Нику в луже крови, хотели тут же собаку насмерть забить, да побоялись к ней подойти. Потом уже, как сторож собаку отозвал, накостыляли ему, конечно, ну, тут милиция приехала, арестовали сторожа.

А Нику «Скорая» еще раньше увезла в больницу в тяжелом состоянии. Получилась у нее от удара о корень черепно-мозговая травма, да такая серьезная, что врачи и не знали, выживет ли.

Десять суток мама возле ее постели провела, потом рассказывала, что сама не в себе была, не зная, выживет ли дочка, а если выживет, то какая останется. Молиться даже не могла.

Долго Ника лечилась, сначала в неврологическом отделении, потом в специальную клинику ее перевели. Год в школе пропустить пришлось. Мама за это время очень изменилась, постарела даже, хотя ей и сорока еще не было.

Хозяин того участка от милиции как-то отбилсь, тем более что врачи однозначно сказали, что собака Нику не тронула. Сторожа он тут же уволил, штраф

за него заплатил. Но со строительством дома у него ничего не вышло, все какие-то неприятности были. То рабочему электропилой пальцы оторвало, то вагончик со стройматериалами сгорел, то речные власти прицепились, что причал никак нельзя там делать, не по закону. Или уж такую огромную взятку запросили, что решил он не связываться, так и бросил участок.

А Ника с мамой стали дальше жить. Все потихоньку наладилось, мама отошла немного, а то все по ночам вскакивала и бежала Нику проверять — как она, на месте ли, не болит ли что.

Сколько себя помнит Ника, всегда они вдвоем с мамой жили, никого у них не было. Мама Нику очень любила, говорила, что дочка — ее свет в окошке, так оно и было.

Ника снова потрогала шрам на затылке. Иногда он пощипывает немного, когда заденешь. Сейчас совсем ничего не чувствуется. Нет, все-таки не может быть, чтобы у нее начались проблемы с головой. Пятнадцать лет ничего не было — и тут нате вам!

Конечно, бывали у нее приступы паники, когда вот просыпаешься в незнакомом месте и первые несколько секунд не можешь сообразить, как туда попала. Но, как говорил тот немолодой доктор, ничего в этом страшного нет, нужно просто держать себя в руках и рассуждать спокойно. Раньше помогало. А теперь вот...

Наплывал сон — не обычная легкая дрема, а тяжелый, тягучий, неповоротливый сон. Последней мыслью у Ники было, что наверняка эта лъстивая пройда свекровь подмешала ей что-то в чай, а она-то, дура, расслабилась...

И снова видела она сон.

40 *Снова она шла по узкой, вымощенной булыжниками улочке маленького городка. Она? Нет, он... Хасан шел по улочке, торопясь укрыться от стражников. Он все еще видел перед своим внутренним взором раскрытый в безмолвном крике рот арестанта и кровавый обрубок языка...*

Впереди показались ворота текии, обители дервишей, мусульманских монахов.

Хасан подошел к этим воротам, точнее, к расположенной рядом с ними калитке, и постучал.

— Кто здесь? — раздался из-за ворот хриплый голос привратника.

— Во имя Аллаха, милостивого и милосердного, это я, Хасан!

Калитка открылась, и Хасан вошел в текию.

Здесь, в этой обители разума и благочестия, он чувствовал себя спокойно и уверенно. Сюда не проникали житейские бури. Хасан приветствовал привратника и направился в свою келью.

Скоро стемнело, ночь опустилась на текию, на окружающий ее сад и на весь город, как черный плащ паломника, усеянный прорехами звезд. В саду пели и щебетали ночные птицы.

Хасан не мог заснуть.

Он вышел в сад, поднял голову к небу и стал слушать пленительные голоса ночи.

Влажные и сочные трели бульбуля чередовались с тревожными возгласами козодоя, неподалеку от текии журчал ручей. Где-то вдалеке слышались окрики ночных стражников.

И тут среди этих привычных голосов послышались то-ропливые, быстрые шаги, раздающиеся за стеной текии.

Хасан почувствовал странное волнение. Он приблизился к стене, прислушался. Шаги на какое-то время

стихли, затем возобновились. Вот они снова 41
стихли, на этот раз совсем рядом с калиткой.

Раздался тихий, едва слышный стук.

Хасан подошел к калитке и спросил вполголоса:

— Кто здесь?

Никто ему не ответил, только снова послышался такой же тихий стук, в котором можно было различить жалобу и мольбу.

И тут неподалеку послышался цокот копыт и приближающиеся гортанные голоса нескольких человек.

И снова незнакомец постучал в калитку, как будто умоляя Хасана о помощи.

Хасан услышал дыхание человека за калиткой — частое, взволнованное, испуганное. Цокот копыт и голоса ночной стражи приближались. И вдруг Хасан сделал то, чего никак от себя не ожидал, — открыл щеколду и толкнул калитку.

В дверь тут же проскользнула, пригнувшись, темная фигура, едва различимая среди ночного мрака. Незнакомец замер, прислушиваясь, потом что-то благодарно пробормотал.

— Не благодари меня, — недовольно прошептал Хасан. — Благодарю Аллаха, милостивого, милосердного. Он — защита слабых, радость обездоленных, надежда униженных.

Хасан закрыл калитку, стараясь не скрипнуть, задвинул щеколду и повернулся к незнакомцу:

— Иди вдоль стены вон туда, там в углу сада есть сарай с садовыми инструментами. Спрячься там. Но помни — до утра ты должен уйти. Утром здесь будет много людей.

Незнакомец кивнул и скользнул в темноту.

Цокот копыт и голоса стражи приближались. Вот они уже возле самых ворот. Хриплый голос проговорил:

42 — Куда он мог подеваться?

— Может быть, он забрался в текию? Разбудим дервишей?

— Нет, не стоит беспокоить святых людей. Ворота заперты, а перелезть через такую высокую стену он бы не смог. У него совсем не осталось сил.

— Однако хватило сил, чтобы убежать и полночи бегать от нас по улицам!

— Видно, шайтан ему помог...

— Азам-паша будет недоволен!

— Что же делать? Мы сделали все, что могли. Из города он все равно не уйдет, его остановят арнауты на мосту.

Снова застучали по камням копыта коней, и наступила тишина.

Точнее, не тишина — снова запели ночные птицы, снова зашелестела листва. Стало слышно журчание ручья, и стрекот цикад, и далекое пение стражников-арнаутов.

Хасан несколько минут слушал ночь, несколько минут созерцал бесчисленные звезды над головой, а потом вернулся в свою келью, лег на тощий матрас и закрыл глаза. И Аллах, милостивый, милосердный, почти сразу даровал ему сон.

Проснулась Ника, когда было уже совсем светло. Мобильник отчего-то валялся на полу рядом с кроватью, хотя с вечера она положила его под подушку.

Она проверила сообщения — от Самохиной не было ничего. Ну, ясно, вчера она писала поздно вечером, Танька небось в телефон не глядела, а сегодня перед работой уж точно посмотрит. Сообщение ушло, так что придет она фотки, и тогда Ника сунет их под

нос этому типу, который нахально утверждает, что он ее муж. А пока нужно быть настороже. И не злить его понапрасну.

Она потянулась и едва не ударилась головой о жуткую пластмассовую спинку. Нет, все же ужасно неудобная кровать. Однако нужно вставать и как-то разбираться в ситуации.

И тут же дверь открылась, как будто кто-то караулил и подглядывал в щелочку. И вошел тот самый тип, а кому еще и быть-то, если он утверждает, что он — муж.

— С добрым утром, дорогая! — пропел он, фальшиво улыбаясь, поставив на письменный стол поднос, что держал в руках.

Вот именно, он весь фальшивый, поняла Ника, говорит вроде бы ласково, а видно, что слова даются ему с трудом. И в глазах никакой приветливости нет.

— Как спалось? — спросил он.

— Так себе, — честно ответила Ника, — извини, конечно, но кровать очень неудобная.

— Новая же... — нахмурился он.

— Ага. Это ты к свадьбе ее покупал? Или мама? Со вкусом у вас, знаешь ли...

Ника и сама не знала, зачем его дразнит. Впрочем, возможно, он поведет себя как-нибудь по-другому, и хоть что-то прояснится. Потому что сейчас, утром, голова у нее работала четко, и она твердо знала, что этот тип ее обманывает.

Ну, никогда в жизни он не обнимал ее и не целовал, вообще близко не стоял, она бы почувствовала. Вспомнила бы его руки, его губы, вспомнила бы его голос, который тихонько говорил ей ласковые слова.

Сережа, Сережа, где ты?..

44 Самозванец нахмурился было, но поскорее отвернулся, чтобы прихватить со стола поднос. Там стояли две чашки с кофе и тарелка с булочками.

— Завтрак в постель! — провозгласил он тоном заправского официанта.

— Как мило, — протянула Ника, — как трогательно. А сливок нет? Я утром черный не пью, ты же знаешь...

Это была чистая провокация, она всегда пила черный кофе, тем более что Сергей так здорово его варил. Но этот... не подобрать приличного слова... он поверил. Едва заметно поморщился, но убежал на кухню.

Ника на всякий случай переставила чашки. Кто их знает, может, опять подсыпали чего-то...

Вот интересно, зачем им нужно, чтобы она все время спала? Ах да, чтобы не скандалила и не искала Сережу.

Она решила действовать хитростью и быть начеку.

Этот тип явился с молоком. Надо же, так и тащит пакет, молочника у них в доме нет небось. Чашки новые, простые совсем, а про молочник забыли.

— Нету сливок! — буркнул он.

— Да уж вижу, — притворно вздохнула Ника. — Ладно, ничего, и так сойдет.

Судя по тому, что он взял свою чашку без опасения, кофе был обычный. Только невкусный. Ах, Сережа...

Завтракали они молча. Ника раздумывала, что же ей теперь делать, и решила пока помолчать и посмотреть, как будут развиваться события. И вести себя спокойно, а не то еще и правда в психушку запрут. У нее тут никого нет, никто искать ее не станет.

Если честно, у нее вообще никого не 45
осталось после смерти мамы. Был, конечно, Сергей, но... но она просто не успела к нему по-настоящему привыкнуть. Всего три месяца знакомы были, а потом поженились. Он... Сергей на этом настоял, сказал, что не может больше мотаться в их город, у него работа, которую нельзя бросить. А без нее жить тоже невозможно, так что нужно что-то решать.

Она и решила, а чего думать-то? Сергей такой славный, заботливый... Где же он? Что с ним случилось?

И получается, что совершенно не к кому обратиться, не в полицию же идти, что она там скажет? Господи, хоть бы Танька фотки прислала, хоть что-то конкретное у нее на руках будет!

Ника проверила свой телефон. От Татьяны ничего не было.

Татьяна Самохина выскочила из дома и побежала вперед, спотыкаясь и оскальзываясь на лужах, покрытых ледком. Ночью подморозило, ну, начало декабря, самое время. Было не то чтобы раннее утро, но вокруг темнота, да еще фонари горят через раз. На ходу она вытащила телефон, чтобы посмотреть время... ну так и есть, без пяти девять! А начальник вчера велел прийти ей к девяти, что-то там должны ему доставить, какие-то документы срочные. Так-то фирма работать в десять утра начинает. А ей вот велено на час раньше.

Черт, она непременно опоздает, тут ходу самое меньшее минут двадцать. За то и выбрала она эту фирму, что от дома близко, пешком дойти можно.

А если курьер ее не дождется и уйдет, от начальника здорово влетит. Так и сказал вчера: «Смотри, Самохина, больше никаких проколов, а то уволю».